

Что касается Саади, названного Байроном «морализирующим по-этом», нельзя утаить еще одно обстоятельство. Почти единодушно все исследователи, занимавшиеся стихотворением 1835 г. «Подражание арабскому», признали, что встречающаяся там метафора «двойной орешек / под одною скорлупой» восходит к «Гулистану» Саади. Там персидский поэт описывает свое отношение к одному ученику и близкому другу именно при помощи метафоры «двойного миндального орешка под одною скорлупой».

Это место находится в «Гулистане» в главе «Любовь и юность», где речь идет почти исключительно об отношениях старших и младших лиц мужского пола. Интересно, что Гете в своих комментариях к «Западно-восточному дивану» цитирует ту же главу «Гулистана», чтобы объяснить основание «книги виночерпия».

Тут, естественно намечается какая-то внутренняя связь с пушкинским стихотворением «Из Гафиза», обращенным к «красавцу молодому», — но это уже другая история, как Киплинг некогда сказал...

Примечания

¹ *Sismondi L. Ch. De la litterature du Midi de l'Europe: [En 4 t.]. Paris; Strasbourg, 1813.*

С. А. Кибальник
(Санкт-Петербург, Россия)

ПУШКИН И КОНФУЦИАНСТВО

1

Единственное упоминание Конфуция у Пушкина находится в черновой строфе «Евгения Онегина» и относится к строкам, которые в России едва ли не каждый знает наизусть, — к VI строфе первой главы, где содержится ироническая характеристика поверхностной образованности героя:

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

(VI, 7—8)

Сбоку, против черновика этих стихов, и помещен фрагмент о Конфуции:

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать —

[От заблуждений охраняя]
 [Не торопиться осуждать]
 [Она одна дает надежды]
 [Надежду может]

(VI, 219—220)

Пытаясь предположительно определить источник этого фрагмента, академик М. П. Алексеев в своей знаменитой статье, положившей начало изучению данной темы, писал: «Вспомнил ли он здесь восторженные отзывы о Конфуции Вольтера? Но в частных цитатах и ссылках Вольтера на Конфуция, например, в „Опыте о нравах“ в „Философском словаре“ и во всех других его сочинениях, нет такого места, которое можно было бы поставить в параллель со словами Пушкина. Знал ли Пушкин о Конфуции из других источников? <...> Комментаторы Пушкина обычно ссылаются на роман Леклерка, который популярен был в России. <...> Ловкий авантюрист Леклерк знал, как понравиться императрице, и написал для наследника, будущего императора Павла, „китайскую повесть“ — „Yu le Grand et Confucius. Histoire chinoise“ (Soissons, 1769)»¹

В обтекаемой ссылке на комментаторов Пушкина подразумевается, конечно же, В. В. Набоков. Он единственный привел возможные источники этого места у Пушкина: «Пушкин знал Конфуция <...> по таким трудам, как „Великий Ю и Конфуций“ Николая Габриэля Ле Клерка (Nicolas Gabriel Le Clerc, „Yu le Grand et Confucius, histoire chinoise“, Soissons, 1769) и „Конфуций, праведные мысли“ Пьера Шарля Левека (Pierre Charles Levesque, „Confucius, Pensées morales“, Paris, 1782), имевшимся в русских библиотеках того времени»².

Однако в объемном сочинении Н.-Г. Леклерка — скорее трактате, чем «романе» — нам не удалось обнаружить ничего хоть сколько-нибудь сходного с пушкинской ремаркой. Зато в карманном сборнике П.-Ш. Левекка, вышедшем в серии «Collection des moralistes anciens», в параграфе 42 можно без труда обнаружить высказывание, послужившее Пушкину источником: «Les enfans et les jeunes gens meritent de notre part une forte de veneration: savons-nous ce qu'ils doivent devenir, et s'ils ne vaudront pas un jour mieux que nous?»³ («Дети и молодые люди заслуживают нашего снисхождения: можем ли мы знать, кем они станут и что однажды они не превзойдут нас?»)

Высказывание это восходит к не так часто переводимой книге «Бесед и суждений Конфуция» (ср., например, в современном переводе: «Нельзя относиться свысока к юным, как знать, может, став взрослыми, они прославят свое имя на весь мир!»⁴). Контекст его у Левекка и, соответственно, в «Беседах и суждениях Конфуция» легко проясняет мысль, от которой отталкивался поэт. В предыдущем параграфе читаем: «Souvent on voit s'élever de terre une herbe tendre, qui ne donnera jamais de fleurs: on voit souvent briller des fleurs, qui ne donneront jamais de fruites»⁵ («Часто с земли поднимаются колосья, которые никогда не дадут цветов: часто выращивают цветы, которые никогда не дадут

плодов»). Мысль о необходимости снисходительного отношения к юным заканчивается безжалостным судом над не совершившими ничего значительного людьми зрелого возраста: «Mais l'homme de guarante a cinquante ans qui n'a rien fait encore pour la gloire, ne meerite, quel qu'il soit, la veneration de personne. С'en est fait de luij» («Но человек от сорока до пятидесяти лет, который еще ничего не сделал для своей славы, ни в коем случае не заслуживает чьего-либо снисхождения. У него уже было достаточно времени, чтобы проявить себя»).

Пытаясь предположительно определить связь фрагмента о Конфуции со строками о воспитании Онегина, М. П. Алексеев писал, что мысль о Китае возникла у Пушкина «по связи с другими, случайными образами из истории древнейших цивилизаций: вместо Ромула стояло первоначально впоследствии зачеркнутое имя Кира, а имя Конфуций, впоследствии переделанное на „мудрец Китая“, написано рядом с недавшимися словами: (времен) хронологической пыли, дней минувших анекдоты (времен минувших анекдоты). В желании установить объем исторических познаний Онегина Пушкин словно колебался — дать ли ему поверхностное знание древней истории от греко-персидских войн или только от римских времен, не должен ли был, однако, Онегин знать и о древнейшей цивилизации мира?»⁶

По нашему мнению, можно с уверенностью сказать: нет, не должен. Очевидно, что ссылка на Конфуция имеет другой характер и не относится к объему известных Онегину *анекдотов*. Упоминание Конфуция воспринимается как отступление от рассказа о герое и несет в себе новую мысль, которая должна была смягчить резкость оценки уровня образования Онегина. Смысл его в контексте строфы получался следующим: «Не торопитесь осуждать Онегина: ведь как ни поверхностно он образован, он еще молодой человек, и неизвестно, что из него получится». Но эта мысль Конфуция вступала в противоречие с общей концепцией характера героя как «лишнего человека», из которого никогда ничего не получится, и потому, вероятно, осталась за пределами основного текста романа.

Нельзя не заметить, что Пушкин ссылается не на излюбленные, основные высказывания Конфуция, а на довольно редкую и скорее даже противоположную по отношению к его основному учению мысль. Это заставляет предполагать хорошее знакомство с общей концепцией философа.

В свете проанализированных черновых строк VI строфы первой главы и самое начало ее, хрестоматийные строки:

Мой дядя, самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог... —

(VI, 5)

приобретают характер иронической ссылки на основную идею конфуцианства — идею уважения к старшим⁷. Разумеется, идея эта присут-

ствовала и в патриархальной морали самого русского общества, однако русское дворянство, как известно, было от нее довольно далеко. Поэтому мысль эта, наряду со многими другими реминисценциями, возможно, имеет и некоторые конфуцианские корни.

2

Других прямых ссылок на Конфуция и конфуцианство у Пушкина нет. Трудно определить и круг источников, из которых Пушкин мог знать о Конфуции и конфуцианстве. Так, например, в книгах Н. Я. Бичурина, которые вдобавок могли быть для Пушкина источником сведений о Китае начиная только с 1828 г. — времени выхода первой из них, — на эту тему ничего нет.

Есть, впрочем, одно сочинение, которое смолоду могло определять представления Пушкина о конфуцианстве. Это пьеса Вольтера «Китайский сирота», которую сам автор определял как «мораль Конфуция, развернутую в пяти актах». М. П. Алексеев усматривал отзвуки этой драмы в «Борисе Годунове» и «Евгении Онегине».

Действие пьесы отнесено к вторжению в Китай Чингисхана, сопровождающемуся уничтожением императорской семьи. Один только младший сын императора сохранен попечением китайского вельможи Замти. Он и его жена Идамэ, в которую в прошлом, еще до ее замужества, был влюблен, но не смог взять в жены (так как китайский закон запрещал китайянкам брак с монголами) Чингисхан, стараются во что бы то ни стало спасти наследника престола. Замти готов даже пожертвовать своим собственным сыном. Чингисхан же угрожает Идамэ казнить и их обоих, и ее мужа, если она не согласится выйти за него замуж.

По ходу действия герои высказывают конфуцианские идеи. Так, например, Идамэ утверждает, что уважение к родителям носит богоугодный характер:

J'ai dit que ces vœux, que vous presentiez,
N'auraient point révolté mon ame assujettie <...>
De nos parents sur nous vous savez le pouvoir:
Du dieu que nous servons ils sont la vive image,
Nous leur obeissons en tout temps, en tout ag⁸.

В доступном Пушкину, архаичном и более чем вольном переводе Б. Нечаева читаем:

Не лестно был тогда ты мною столь любим,
Что брачну цепь свершить с тобою я желала,
Но власть родителей желанью воспрещала.
Мы Бога самого во образе их зрим,
Все их веления со святостью храним⁹.

Замти же, по словам татарского воина Октара:

Il répète les noms de devoir, de justice,
Il brave le victoire: on dirait que sa voix,

Du haut d'un tribunal, nous dicte ici des lois.
Confondez avec lui son epouse rebelle...

(P. 514)

(Все только говорит о должности своей,
О почитании наследственных Царей.
Он зрится, с высоты, как будто бы правленья,
Толкует нам своих законов исполненья. — С. 44).

В 4-й сцене IV акта Идамэ окончательно отказывает Чингисхану, причем, по мнению М. П. Алексеева, ее отказ отозвался в последних словах Татьяны к Онегину:

C'est à vous de connaitre
Que ce serait encore une raison de plus
Pour n'attendre de moi qu'un étemel refus.
Mon hymen est un noeud formé par le ciel même:
Mon époux m'ets sacré: je dirai plus, je l'aime. <...>
Je sals gu'ici tout tremble ou périt sous vos coups:
Les lois vivent encore, et l'emportent sur vous.

(P. 519—520)

(Я брачный узел днесь с другим уже связала,
Клялась пред Олтарем единого любить
И вкупе горести и радости делить.
Я брак священный сей толико почитаю,
Что все величие и власть пренебрегаю. <...>
Хотя в ничто сей край тобою обратится,
Закон же никогда отсель не истребится. — С. 50—51.)

Вряд ли, однако, в этих словах можно усматривать один из источников финальных строк «Евгения Онегина»: насколько общим является сходство ситуаций, настолько различные словесные мотивировки. Это же касается и предположительной связи сюжетной линии единственного продолжателя династии с «Борисом Годуновыми»: у Пушкина он устранен еще до начала пьесы, у Вольтера остается в живых и в самом конце.

Зато несомненно значение «Китайского сироты» как одного из основных источников знакомства Пушкина с конфуцианством. В конце концов Идамэ и Замти решают покончить самоубийством, и это производит настолько сильное впечатление на Чингисхана, что герой перерождается и, по словам Замти, из варвара превращается в «отца народа»:

Il va l'être, madame, et vous allez l'apprendre.
Vous me rendez justice, et je vais vous la rendre.
A peine dans ces lieux je crois ce que j'ai vu:
Tout deux je vous admire, et vous m'avez vaincu.

(P. 540)

(Я правосудию себя здесь научил,
Невероятным сим делам свидетель был.

Люблю вас обоих, люблю и удивляюсь,
Из победителя я пленником являюсь... — С. 71—72)

Конфуцианский принцип вознаграждения добродетели торжествует, и Чингисхан, в соответствии с политическим идеалом Конфуция, становится «отцом империи».

Интересно, что позднее Вольтер собирался подготовить новую, еще более конфуцианскую редакцию этой пьесы, в которой намеревался в целях борьбы с «дряблыми нравами» французов «перенести сцену в дом Конфуция, сделать Замти потомком этого законодателя» и заставить его говорить «как сам Конфуций». Это намерение Вольтера не было осуществлено.

Однако и та редакция, с которой был знаком Пушкин, включает, по характеристике К. Н. Державина, «конфуцианскую мораль во всех своих основных положениях»: «мотив гуманности „жень“, звучащий во всей пьесе на фоне действенной темы войны и государственной катастрофы, несущих с собою жестокости и насилия», «мотивы верности и почтительности („чжун“ и „сяо“), которые определяют драматургическое движение темы спасения китайского сироты и супружеской верности Идаме», наконец, мотив «взаимности („шу“), столь ясно определяющий, «в комплексе всех иных мотивов, поведение Замти».

Впрочем, все эти конфуцианские мотивы распознаются с большим трудом, будучи закрашены помадой, приготовленной из смеси французского классицизма и просветительской философии.

Действительно, представление Вольтера о конфуцианстве отмечено просветительским идеализмом, не слишком исторично и свободно от какой-либо объективной критической оценки. Возможно, именно поэтому Пушкин позднее захотел познакомиться и с подлинной китайской пьесой, легшей в основу сочинения Вольтера, и приобрел книгу «Tchao-Chi-Kou-Eul, ou L'Orphelin de la Chine...»¹⁰.

Неизвестно, в какой мере Пушкин познакомился с этой пьесой, но уже из предисловия С. Жюльена он мог узнать, что предыдущий перевод этой пьесы аббата Премара, которым и пользовался Вольтер, «дает лишь превратное представление о китайском оригинале»¹¹. Из самого беглого знакомства с «Маленьким сироткой из семейства Чао, блестяще за себя отмщающим» (так переводится китайское заглавие пьесы) становится ясно, что в ней речи нет о Чингисхане и что действие ее перенесено Вольтером почти на два тысячелетия вперед. Впрочем, кое-что существенное из представленного Вольтером — и, в частности, развитие конфуцианской заповеди о преданности вассала отцу-государю — присутствует и в китайском первоисточнике, хотя с иными акцентами.

Заметные с первого взгляда расхождения Вольтера с первоисточником и указание на использование им весьма недостоверного перевода-переделки ясно показывали, что его «Китайский сирота» был не

самым надежным источником сведений о конфуцианстве и о Китае вообще. И очевидно, в 1830-е гг. Пушкин рассчитывает уже только на прямое изучение китайской культуры, хотя бы по необходимости и во французских переводах. Об этом свидетельствуют и другие материалы, помещенные в книге С. Жюльена.

В частности, именно небольшая подборка стихотворений могла стать для Пушкина основным источником представлений о китайской лирике. Она включает «Романс Мулян, или Девушка-солдат», который, как поясняет предуведомление к тексту, приписывается самой Мулян, китаянке, жившей во время правления короля Льяна, вступившей в армию вместо своего больного отца и прослужившей там, оставаясь неузнанной, двенадцать лет. Следом идут «Баллада. Ни-ку-ссефан, или верующая, которая думает о мире» и «Куан-фу-ян. Элегия на смерть супруги». Наконец, в конце подборки находится «Деревня Кьянга» Ду-фу, «занимающего одно из первых мест среди поэтов Китая», — стихотворение, написанное по случаю его возвращения к своей семье спустя долгое время, проведенное в плену у разбойников¹².

Все стихотворения переведены прозой, что не дает полного представления о китайских оригиналах. Тем не менее, поскольку избранные тексты являются разнообразными и довольно яркими примерами классической китайской лирики, этого было вполне достаточно для начального знакомства с ней.

Знакомство Пушкина с конфуцианством по оригинальной китайской пьесе¹³ и с оригинальными китайскими стихотворениями, по всей видимости, не оставило никакого прямого следа в его творчестве. Но интерес поэта к подобным источникам указывает нам на одно из возможных направлений его дальнейшего творческого развития — «предположение жить», на которое ему, увы, уже «не хватило судьбы»¹⁴.

Примечания

¹ *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. статей. М., 1973. С. 60.

² *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 20.

³ Collection des moralistes anciens. Geneve, 1782. T. 2: Pensées morales de Confucius. Avec sa vie et son Traité de la Philosophie des Chinois, recueillies et traduites du latin par M. Levesgue. P. 129.

⁴ *Конфуций.* Беседы и суждения // Конфуций [Сб. изречений]. М., 1996. С. 20—21.

⁵ Ср. с текстом «Бесед и суждений Конфуция» в современном русском переводе: «Конфуций сказал: „Бывают колосья, которые не цветут, а бывают и такие, которые цветут, но не наливаются“» (Там же. С. 68).

⁶ *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай. С. 68.

⁷ В пушкинское время эта идея хорошо была известна именно в таком виде. Ср., например, в «Сан-Цзы-Цзин, или Троесловию» в переводе Н. Я. Бичурина, удостоившемся рецензии Пушкина:

Надлежит заранее знать
Уважение к старшим.

За почтением к родителям и старшим,
 Должно приобретать сведения...

В комментарий к тексту Бичурин писал: «Между обязанностями почтения к родителям и уважения к старшим надлежит в точности выполнять» (Сан-Цзы-Цзин, или Троеслобие. Пер. с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1629. С. 4, 33).

⁸ *Voltaire. L'Orphelin de la Chine // Voltaire. Oeuvres completes. Paris, 1834. V. 6. P. 519.* В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

⁹ Китайский сирота. Трагедия г. Волтера / Пер. с фр. Василия Нечаева. СПб., 1788. С. 49. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.) Этот перевод дает весьма приблизительное представление об оригинале Вольтера, для знакомства с которым Пушкину, конечно, были не нужны никакие посредники. Приводим его здесь, однако, для воссоздания колорита эпохи и не сопровождаем современным точным переводом с французского ради экономии места.

¹⁰ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: (Библиогр. описание). СПб., 1910. № 1426.

¹¹ *Tchao-Chi-Kou-Eul, ou L'Orphelin de la Chine. Drame en proze et en vers, accompnagne des pieeces historigues gui en ont fourni le sujet, de nouvelles et de poesies chinoises / Trad. du chinois, par S. Julien. Paris, 1834. P. 3.*

¹² *Ibid.* P. 325—352.

¹³ М. П. Алексеев отмечал, что Пушкин тем охотнее мог заинтересоваться сюжетом, пьесы «Маленький сиротка из семьи Чао», что «он открывает некоторую аналогию истории Лжедмитрия. <...> Семья истреблена до последнего человека, лишь один сын спасен верным вассалом, который для этого жертвует собственным сыном. Спасенный мальчик вырастает и мстит за обиду, нанесенную его роду» (*Алексеев М. П.* Пушкин и Китай. С. 88). Для полноты картины следует все же напомнить, что книга С. Жюльена вышла в 1834 г., и, следовательно, эта аналогия истории Лжедмитрия стала доступной Пушкину уже после того, как его творческий и исторический интерес к этой фигуре был в основном утолен.

¹⁴ *Битов А.* Предположение жить (Воспоминание о Пушкине) // Статьи из романа. М., 1986. С. 210—308.

Такаси Кимура
 (Киото, Япония)

ВЗГЛЯД НА «ДИКОЕ» У А. С. ПУШКИНА

Три года назад, на юбилейной V Пушкинской конференции, касаясь ориенталистической настроенности раннего А. С. Пушкина, я завершил свой доклад так: «Как мы уже видели, находясь в плену ориентализма, Пушкин в то же время последовательно держит повествовательскую позицию в духе завоевавшей Кавказ стороны. Сомнение в модернизации России и ее идеологии, хотя это тоже спорный вопрос, так или иначе рождается у Пушкина позже написания поэмы „Кавказский пленник“». Но я уверен, что мое замечание ничуть не принизит высокий памятник, воздвигнутый великим Пушкиным»¹. Готовясь к

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003